

СУДОУСТРОЙСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А.В. Шмонин, О.И. Семькина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье проводится системно-исторический анализ развития уголовно-правовых норм о провокации преступлений коррупционной направленности в российском уголовном праве. В сравнительно-правовом ключе, рассматриваются критерии правомерности провокации преступлений коррупционной направленности в уголовном законодательстве Российской Федерации, Великобритании и США.*

***Ключевые слова:** провокация преступления, преступления коррупционной направленности, взяточничество, коммерческий подкуп, секретный агент, агент-провокатор, оперативно-розыскная деятельность, субъективный критерий, объективный критерий.*

В настоящее время вопрос об ответственности за провокацию, особенно в свете борьбы с преступлениями коррупционной направленности, приобретает определенную актуальность. Применительно к российскому уголовному законодательству, речь идет о провокации должностных лиц либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, к двум преступлениям коррупционной направленности — получению взятки (ст. 290 УК РФ) и коммерческого подкупа (ч.ч. 3, 4 ст. 204 УК РФ).

Анализ практики выявления данных преступных деяний свидетельствует о следующих тенденциях. В 2005 г. было зарегистрировано 4 преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, в 2006 — 1, в 2007 — 5, в 2008 — 7, в 2009 — 4, в 2010 г. — 2. В 2011 г. динамика этих преступлений, взявшая, как казалось, позитивный курс на снижение, проявила склонность к увеличению. В этот период было зарегистрировано 3 посягательства по ст. 304 УК РФ. Причем в том же 2011 г. все попытки передачи взятки либо коммерческого подкупа имели место в Центральном федеральном округе (Белгородской, Воронежской и Московской областях).

Количественный уровень выявленных лиц, совершивших данные преступления, за исключением апогея раскрываемости в 2008 г., несколько отличается от фактов зарегистрированных преступных посягательств. Так, в 2005 и 2006 гг. правоохранительными органами было выявлено по 1 лицу, совершившему деяние по ст. 304, в 2007 г. — 0, в 2008 г. — 7, в 2009 г. — 2. В

2010 г. показатель раскрываемости таких преступлений достиг уровня 2005 — 2006 гг., составив 1 лицо, а в 2011 г. — самой низкой отметки (ни одного лица!), зафиксированной в 2007 г.

В некоторой степени столь невысокие статические показатели обуславливаются несовершенством действующего законодательства, не позволяющим правоприменителю давать объективную уголовно-правовую оценку фактам провокации взятки либо коммерческого подкупа. Выработать на законодательном уровне адекватные уголовно-правовые критерии подобного рода провокации не позволяют ряд причин, среди которых следует выделить ограниченность научной дискуссии по вопросу о сущности провокации преступления на основе системно-исторического и сравнительно-правового анализа.

Юридическая природа *провокации преступления* предполагает умышленную одностороннюю деятельность виновного, направленную на искомую модель поведения со стороны провоцируемого лица, в котором имелись бы внешние признаки преступления, в целях дискредитации, искусственного создания доказательств совершения им преступления или шантажа, если при этом деяние провоцируемого лица не обладает признаками виновности¹. *Провокацию взятки либо*

¹ Радачинский С.Н. Уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. М., Ростов-н/Д, 2003. С. 14.

коммерческого подкупа можно рассматривать в качестве частного случая «общей» провокации преступления и, соответственно, наделить ее всеми перечисленными выше признаками².

Это корреспондируется с сущностным значением терминов «провокация», «провокатор», «провоцировать» и «провокационный». Согласно словарному определению, смысл «провокации» (лат. «provocatio» — вызов) заключается в предательском поведении, подстрекательстве, побуждении, наталкивании кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые, губительные, заведомо вредные для него действия, решения, последствия³. Инициатор провокации — «провокатор» (лат. «provocator» — бросающий вызов) — определяется как тот, который провоцирует⁴, подстрекатель, действующий с целью предательства⁵; либо тайный агент, действующий путем провокации⁶. Осуществлять провокацию, «провоцировать» (лат. «provocare» — вызывать; нем. «provocieren» — провоцировать) означает умышленно вызывать что-либо или на что-либо⁷, подстрекать к чему-либо с недобросовестной целью⁸. Под «провокационными» понимаются действия, содержащие или скрывающие провокацию⁹. Приведенные смысловые значения провокации позволяют обозначить в этом понятии две основополагающие грани: 1) провокация — это искусственное подстрекательство к тому преступлению, борьба с которым входит в задачи правоохранительного органа; 2) в результате провокации наличествуют последствия негативные для провоцируемого лица (совершение преступления) и желательные для провокатора (повышение по службе, улучшение показателей борьбы с преступностью и др.).

² Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008. С. 159.

³ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 607; Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1989. С. 1074.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57 000 слов. Изд. 10-е, стереотип / под ред. д-ра филолог. наук проф. Н.Ю. Шведовой. М., 1973. С. 558.

⁵ Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. П-Р / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983. С. 472.

⁶ Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 2. М., 1964. С. 254.

⁷ Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. Изд. 4-е, переаб. и доп. М., 1954. С. 564.

⁸ Иностранные слова и сочетания с ними / М.А. Надель-Червинская, А.П. Червинская, П.П. Червинский. Ч. 2. Ростов-н/Д, 1996. С. 269.

⁹ Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. П-Р / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983. С. 472.

Этимологическая природа понятия «провокация» восходит своими корнями в законодательство Петра I¹⁰. В этот период деяния, совершаемые с целью ложного обвинения невиновного лица в совершении любого преступления, принято было отождествлять с корыстным доносом и лжеприсягой¹¹. Хотя упоминание о таком деянии, как искусственное создание доказательств обвинения, встречалось в нормах более ранних законодательных источников, например, в Судебнике 1497 г. и Соборном Уложении 1649 г.¹² Ретроспективный анализ развития российского уголовного права позволяет констатировать, что в конце XV — начале XIX вв. «провокация» преступления являлась специальным видом искусственного создания доказательств обвинения в преступлении. В уголовном законодательстве XIX в. подход к криминализации провокационных действий был переосмыслен, и склонение лица к совершению преступления стало признаваться подстрекательством¹³.

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. III (Муза — Сят). М., 1971. С. 372.

¹¹ Например, на противодействие таким явлениям был направлен Указ Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе, оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах». Артикул 198 Устава Воинского от 30 марта 1716 г. допускал применение смертной казни за заведомо ложную присягу с целью привлечения невиновного к уголовной ответственности // Памятники Русского права в 8 выпусках. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. М., 1961. С. 319-369, 571-573.

¹² Так, в ст. 9 Судебника 1497 г. говорилось о такой своеобразной разновидности провокации преступления, как «подмет» краденого имущества. Под «подметчиками» понимали лиц, подбрасывающих другим лицам имущество или труп с целью искусственного создания доказательств обвинения их в краже либо в убийстве и последующем завладении их имуществом. Это деяние наказывалось смертной казнью. В ст. 55 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» Соборного Уложения 1649 г. предписывала возможность признания доказательств по делу недопустимыми в случаях искусственного обвинения лица в краже («насильственного ополчивания»). Привод кого-либо с поличным без участия понятых и пристава давал право обвиняемому выдвинуть версию, что поличное ему подброшено и «его ополчили сильно». С целью проверки назначался усиленный сыск. Подтвержденное доказательствами «насильственное ополчивание» влекло наказание виновным, как и при любом случае подбрасывания («подмета») краденого — публичное битье кнутом и выплатой штрафа в двойном размере // Штам С.И. Судебник 1497 г.: Учебное пособие по истории государства и права СССР. М., 1955. С. 40, 48, 102; Соборное Уложение 1649 г. Текст и комментарии. Л., 1987. С. 369-371.

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. склонение лица путем подкупа, обещания выгоды или обманов

Терминами «провокация», «provokator» и «агент-provokator», близкими по своему смысловому значению к их современной интерпретации, стали оперировать в науке уголовного права в конце XIX — начале XX вв. С течением времени сущностное значение этих понятий видоизменялось, приспособляясь к реалиям конкретного исторического периода. В частности, в условиях революционных волнений начала XX в. «провокация» ассоциировалась исключительно с преступными актами тайных агентов полиции. Общественная оценка подводила «под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией»¹⁴. «Provokatorami» именовали, во-первых, секретных агентов сыскных и охранных отделений Департамента полиции МВД Российской Империи, подстрекающих революционеров к совершению каких-либо преступных деяний с целью последующего привлечения их к ответственности, и, во-вторых, иных секретных «наружных» и «внутренних» осведомителей, содействующих полиции посредством предоставления информации о «разрабатываемых» лицах. Основная сущность «полицейской провокации» заключалась в деятельности «хороших заговорщиков» преступлений, создаваемых и подстрекаемых самой полицией в целях получения служебных отличий, материальных или иных выгод¹⁵. Таким образом, в массовом сознании всякая провокация приписывалась полицейскому сыску. Однако в научных и официальных правительственных кругах подобная позиция не поддерживалась. В первом случае отмечалось, что основным предназначением сыска являлась функция быть «серьезным пособником правосудия»¹⁶. Во втором случае provokatorом считалось «только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в

признавало подстрекательством (ст. 13) и влекло высшую меру наказания, определенного за преступление, к которому подстрекали (ст. 126). Вместе с тем, в Уложении предусматривалась ответственность за такой вид провокации к преступлениям коррупционной направленности, как склонение чиновников, состоящих на государственной или общественной службе к различным злоупотреблениям полномочиями (ст. 382). Аналогичный подход к квалификации провокационных действий сохранился и в Уголовном Уложении 1903 г. Кроме того, уголовно наказуемыми признавались подговор и подстрекательство к публичному «скопищу» (ст. 123) // Свод Законов Российской Империи. Том XV. СПб, 1912. С. 2, 12, 49, 254.

¹⁴ Столыпин П.А. Речь, произнесенная в Государственной Думе по делу Азефа // Вестник полиции. 1909. № 8. С. 147.

¹⁵ Косунович Л. Провокация // Вестник полиции. 1909. № 32. С. 676.

¹⁶ Извращение понятия «сыск» // Вестник полиции. 1907. № 36. С. 7.

это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-provokatora»¹⁷.

Вопрос о правомерности провокации со стороны полицейской агентуры затрагивался уже в начале XX в. В этой ситуации использовалась ссылка на исполнение закона, как на обстоятельство устраняющее преступность деяния¹⁸. Для признания действий секретных агентов правомерными, требовалось одновременное установление субъективных условий: 1) обвиняемый должен был доказать, что он был уполномочен на выполнение данного действия полицейским ведомством; 2) обвиняемый должен был соблюсти формы деятельности, которые по закону считались необходимыми условиями правомерности; 3) обвиняемый должен был доказать, что в данном случае имелось фактическое основание для его деятельности либо он предполагал о его существовании.

Действия «низших агентов полицейской власти», «сыщиков», исполняющих роль «так называемых *agent provocateurs*», вне названных условий, «возбуждающие» к преступлению «с целью предать совершителя правосудию и подвергнуть ответственности» признавались подстрекательскими¹⁹ и влекли ответственность только в предусмотренных законах случаях²⁰. Кроме того, в ведомственных нормативных актах дореволюционной России содержался запрет на использование провокации в качестве метода противодействия любым видам преступлений. Так, Инструкция чинам сыскных отделений 1908 г. предписывала начальникам сыскных отделений контролировать, чтобы негласные агенты не склоняли других лиц «к вступлению на противозаконный путь и не принимали ни под каким видом участия в преступных посягательствах»²¹.

Небезынтересно отметить, что в первые годы Советской власти провокация преступлений, хотя в целом была запрещена, тем не менее, допускалась в «исключительных» случаях. Например, Инструкция по

¹⁷ Столыпин П.А. Речь, произнесенная в Государственной Думе по делу Азефа // Вестник полиции. 1909. № 8. С. 147.

¹⁸ Уголовное Уложение 1903 г. не признавало преступным деяние, совершенное при исполнении закона (ст. 44) // Свод Законов Российской Империи. Том XV. СПб, 1912. С. 242.

¹⁹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. С-Петербург, 1902. С. 502–504, 769–770.

²⁰ Так, согласно ст. 51 Уголовного Уложения 1903 г. ответственность подстрекателя наступала только в случаях, специально оговоренных в законе // Свод Законов Российской Империи. Том XV. СПб, 1912. С. 242.

²¹ Данное указание содержалось в § 64 гл. VI «Розыск» Инструкции // Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910. С. 6.

борьбе со спекуляцией 1918 г. позволяла использовать «омерзительный» метод провокации при обнаружении существующих организаций спекулянтов, раскрытии их преступных действий, розыске припрятанных товаров, наблюдении за всеми местами сборищ спекулянтов и пр.²² Впоследствии, «ярлык» агента-provokatora присваивался всякому лицу, оказывавшему любое сотрудничество «контрреволюционному правительству» в подрыве существующей системы государственных органов²³. Иные действия, направленные на склонение к совершению преступления, уголовное законодательство относило к подстрекательству²⁴.

Первый УК РСФСР 1922 г.,²⁵ сохранив традиционный подход к квалификации провокационных действия как подстрекательских (ст. 16), дополнительно подверг криминализации коррупционную составляющую провокации преступления — взяточничество. Согласно ст. 115 закона каралась лишением свободы на срок не ниже трех лет либо высшей мерой наказания провокация взятки, т.е. заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку. Повышенная репрессивность санкции за провокацию взятки обуславливалась, вероятно, особой опасностью самого взяточничества для авторитета государственного аппарата²⁶.

Несколько скорректировал состав провокации взятки УК РСФСР 1926 г.²⁷ В ст. 119 закон признал уголовно наказуемым заведомое создание должностным лицом обстановки и условий: 1) вызывающих предложение взятки в целях последующего изобличения давшего взятку либо; 2) вызывающих получение взятки в целях последующего изобличения принявшего взятку. Таким образом, в отличие от прежнего уголовного за-

кона УК РСФСР 1926 г. признал уголовно-наказуемым не только провокацию дачи взятки, но и ее получения. Более того, законодатель пошел по пути гуманизации уголовной ответственности за провокацию преступления, «урезав» наказание за его совершение до двух лет лишения свободы.

Судя по конструкции составов провокации взятки в советском уголовном законодательстве и его правовому анализу²⁸, это деяние было «зеркальной» противоположностью современной ст. 304 УК РФ. Как видно из изложенных выше положений, подход законодателя в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. к составу провокации взятки совершенно противоположен ее современному пониманию. И суть специфики современного уголовного закона состоит даже не в криминализации ранее неизвестного провокации коммерческого подкупа. В смысловом значении весь комплекс отличительных особенностей можно дифференцировать на пять групп:

1. *Различия в объекте преступления.* Провокация взятки, как она определялась в структуре положений Особенных частей УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., признавалась общим должностным преступлением, разновидностью взяточничества. Объектом провокации взятки считалась нормальная деятельность государственного аппарата. В рамках УК РФ провокация взятки представляет собой самостоятельное деяние, «оторванное» от известных составов взяточничества, нарушающее общественные отношения в сфере нормального отправления правосудия. Комплекс интересов государственной власти или местного самоуправления составляют дополнительный объект ст. 304 УК РФ.
2. *Различия в потерпевшем лице.* В контексте ст. 115 УК РСФСР 1922 г. и ст. 119 УК РСФСР 1926 г. потерпевшим от провокации взятки являлось любое лицо, провоцируемое на дачу взятки. Согласно диспозиции ст. 304 УК РФ потерпевшим может признаваться только должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих или иных организациях, провоцируемые на получение взятки.
3. *Различия в объективной стороне преступления.* В прежних уголовных законах объективная сторона

²² Необходимое руководство для агентов Чрезвычайных Комиссий. Инструкция по борьбе со спекуляцией. М., 2001. С. 38-39.

²³ Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933. С. 61; Ошеревич Б.С., Пионтковский А.А. Провокация как орудие борьбы царизма с революционным движением // Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. И.Т. Голякова. М., 1943. С. 82.

²⁴ Такой подход к квалификации содержался, например, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁵ Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

²⁶ Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось в Декретах СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» и от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467; СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 421.

²⁷ Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

²⁸ См., напр.: Ходос. Подлежит ли ответственности лицо, спровоцированное на взятку? // Вестник советской юстиции. 1924. № 24 (34). С. 833; Зильбернштейн Н. Ответственность за дачу взятки при провокации // Вестник советской юстиции. 1925. № 1 (35). С. 18–20; Волков Г.И. Взяткодательство при провокации взятки // Вестник советской юстиции. 1926. № 10 (68). С. 387–388; Анцелович М. Получение, дача и провокация взятки по УК редакции 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 475–477.

провокации взятки заключалась в заведомом создании должностным лицом обстановки и условий предложения (ст. 115 УК РСФСР 1922 г., ст. 119 УК РСФСР 1926 г.) или получения (ст. 119 УК РСФСР 1926 г.) взятки. Преступление признавалось оконченным с момента создания обстановки и условий, вызывающих или предложение (дачу), или получение взятки. Напротив, как это предусматривается в ст. 304 УК РФ, объективная сторона провокации взятки либо коммерческого подкупа выражается в активных действиях, направленных на попытку передачи предмета преступления должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, при отсутствии согласия (неведении) указанных лиц. Данное преступление признается оконченным с момента попытки передачи денег или иных материальных ценностей либо попытки оказания услуг имущественного характера. Таким образом, момент окончания преступления перенесен законодателем на более раннюю стадию преступной деятельности — фактически действия провокатора представляют собой покушение на дачу взятки или коммерческого подкупа.

4. *Различия по субъективной стороне.* В этом критерии отличительной особенностью является цель совершенного посягательства. Статьи 115 УК РСФСР 1922 г. и 119 УК РСФСР 1926 г. в качестве преступной цели законы называли последующее изобличение дающего или получающего взятку. В диспозиции ст. 304 УК РФ цель провокации взятки либо коммерческого подкупа иная — искусственное создание доказательств совершенного преступления либо шантаж.
5. *Различия в субъекте преступления.* Субъектом провокации взятки в составах ст. 115 УК РСФСР 1922 г. и ст. 119 УК РСФСР 1926 г. считались только должностные лица. Напротив, в деянии, предусмотренном ст. 304 УК РФ, субъектом может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

УК РСФСР 1960 г.²⁹ не содержал специальной нормы, устанавливающей ответственность за провокацию взятки. Однако отсутствие отдельной нормы о провокации дачи взятки не исключило уголовную ответственность за такие деяния. В период действия УК РСФСР 1960 г., вопрос о квалификации провокации взятки решался с учетом общих положений уголовного закона. Провокация рассматривалась как вид подстрекательства и, соответственно, квалификационная

оценка ей давалась как виду соучастия³⁰. К слову сказать, аналогичный подход к квалификации провокации существовал в дореволюционном уголовном праве³¹. Искусственное создание доказательств обвинения не расценивалось законодателем в качестве самостоятельной разновидности провокации преступления. Хотя отдельное указание на совершение преступления именно в этих целях имелось в целом ряде уголовно-правовых норм о преступлениях против правосудия — ч. 2 ст. 176 «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», ч. 2 ст. 180 «Заведомо ложный донос» и ч. 2 ст. 181 «Заведомо ложное показание» УК РСФСР 1960 г. Аналогичное указание сохранилось в ч. 3 ст. 306 «Заведомо ложный донос» и ст. 304 «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» УК РФ 1996 г.

Согласно диспозиции ст. 304 УК РФ, провокатором выступает не должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих или иных организациях, подозреваемое в совершении коррупционного преступления, а иное лицо, инициирующее совершение соответствующего коррупционного преступления. Провокатор, пытавшийся передать предмет взятки или коммерческого подкупа, привлекается к уголовной ответственности по данной статье при обязательной совокупности следующих условий, обозначенных в УК РФ: 1) отсутствии данных, свидетельствующих о предварительной договоренности с обозначенными лицами, о согласии принять материальные ценности или услуги имущественного характера и отказе принять предмет взятки или коммерческого подкупа; 2) наличии цели искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа. Однако согласно позиции Верховного Суда РФ на противоправность провокации указывают еще два критерия, применяемых одновременно: 1) нарушение при проведении оперативно-розыскного мероприятия норм законодательства (в частности, Закона об ОРД); 2) отсутствие зарегистрированного в установленном порядке заявления о вымогательстве взятки или имущественного вознаграждения при коммерческом подкупе³².

³⁰ Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань, 1975. С. 95.

³¹ См., напр.: ст.ст. 13 и 126 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ст. 51 Уголовного Уложения 1903 г. // Свод Законов Российской Империи. Том XV. СПб, 1912. С. 2, 12, 242; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. С-Петербург, 1902. С. 769–770.

³² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взятках и коммерческом подкупе» // Российская газета от 23 февраля 2000 г. № 38.

²⁹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации вопрос о правомерности «провокации» приобретает некоторую долю условности. Во-первых, подобный подход к уголовно-правовым мерам борьбы с этими преступлениями вступает в противоречие со ст. 8 УК РФ, констатирующей, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Как известно, в диспозиции ст. 304 УК РФ критерии, обозначенные в позиции Верховного Суда РФ, не отражены. Во-вторых, диспозиция ст. 304 УК РФ не является бланкетной и, соответственно, не ссылается к нормам иных нормативных правовых актов для выяснения иных правомерных либо противоправных признаков деяния. Следовательно, вопрос о правомерности провокации взятки или коммерческого подкупа, в том числе при проведении оперативно-розыскных мероприятий, необходимо урегулировать, прежде всего, в уголовном законе. Одним из средств решения такого вопроса может стать уголовно-правовая норма о проведении оперативно-розыскных мероприятий, предусматривающая критерии правомерности об исключении в данном случае преступности деяния³³.

В рамках сравнительно-правового анализа интерес в регламентации критериев правомерности провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов представляют законодательные положения и прецедентный опыт Великобритании и США, признающих правомерную провокацию со стороны правоохранительных органов одним из эффективных способов противодействия многим преступлениям. В отличие от российского уголовного законодательства в праве Великобритании и США отсутствует уголовно-правовая норма об ответственности за провокацию взятки либо подкупа. Понятие «провокация» (*entrapment*³⁴) используется практически при любых действиях сотрудников правоохранительных органов, направленных на побуждение лица к совершению преступлений в сфере публичных правовых отношений. Таким образом, доктрина англо-саксонского уголовного права исходит

³³ К слову сказать, в УК Республики Казахстан не признается преступлением осуществление оперативно-розыскных мероприятий при определенных в законе условиях (ст. 34-1). А в УПК Республики Молдова имеется легальное определение «тайный агент» // Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. №167-1 (в ред. от 28.06.2012 г. №24-V ЗРК); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. №122-XV (в ред. от 14.06.2012 г. №134). Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «СоюзПравоИнформ».

³⁴ Entrapment (англ.) — провокация преступления с целью его изобличения; поймать в «ловушку», обольстить, провести.

из общей дефиниции «провокация преступления». Превышение же критериев провокации может расцениваться судом как злоупотребление в процессе либо повлечь исключение доказательств, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий.

В **Великобритании** большинство преступлений регистрируются по факту обращения в полицию представителей общественности. Но имеются и такие категории посягательств (хотя и в меньшинстве), которые выявляются в результате использования полицией «проактивных методов» (*proactive methods*) — «секретных полицейских» (*undercover policing*) и информаторов (*informers*). Речь идет о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и взяточничеством. Применение полицией «проактивных методов» при выявлении таких деяний обусловлено, прежде всего, отсутствием в них так называемой «прямой жертвы» (*direct victims*) преступления, которая могла бы обратиться в компетентные органы с заявлением о факте совершенного посягательства. Собираение полицией разведывательной информации (*intelligence-led*) может осуществляться в различных негласных формах, закрепленных в Законе о полномочиях следственных органов (*Regulation of Investigatory Powers Act 2000*)³⁵.

Осуществление любых разведывательных мероприятий не должно быть сопряжено с нарушением порядка собирания доказательств и злоупотреблениями правоохранительных органов в уголовном процессе. При участии государства в лице секретных полицейских и путем привлечения информаторов в разведывательной деятельности с целью установления мотивации лица на совершение преступления, недопустимо нарушение крайней «точки», выходя за которую государство само порождает преступность. Для государства «создание» преступного посягательства и осуждение за его совершение человека признается грубейшим нарушением конвенционных положений и рассматривается как неправомерная провокация (*entrapment*). Обозначенная «точка — принцип» была положена в основу многих английских судебных решений³⁶.

Критерии правомерности провокации преступления разъясняются в Решении Палаты лордов по делу «Корона против Лусли» (*R. v. Looseley*)³⁷. В Решении

³⁵ Порядок производства оперативного наблюдения и секретных разведывательных мероприятий регламентируется в разделе II Закона // Part II «Surveillance and Covert Human Intelligence Sources». Legislation.gov.uk. [Сайт]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23/part/II> (дата обращения: 06.10.2012).

³⁶ The Criminal Process / Andrew Ashworth and Mike Redmayne. Third Edition. Oxford University Press, 2005. P. 260-263.

³⁷ Per Lord Nicholls in Attorney-General's Reference № 3 of 2000, *Rigina v. Looseley* [2001] UKHL 53 // www.parliament.uk [Сайт]. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/>

констатирована очевидность негативных последствий, имеющих место в результате применения «проактивных методов», и обозначено, что: 1) для государства признается неприемлемым склонение граждан через своих секретных агентов к совершению запрещенных законом деяний, а затем — привлечение их за это к уголовной ответственности; 2) подобные действия признаются неправомерной провокацией; 3) деяния агентов полиции надлежит квалифицировать как злоупотребление государственной властью и посягательство на уголовное правосудие. Это корреспондируется с фундаментальным принципом правосудия, согласно которому каждый суд обладает правом и имеет обязанность предупреждать злоупотребления в процессе. Руководствуясь данным принципом, суды должны обеспечивать, чтобы сотрудники полиции не злоупотребляли принудительными правоохранительными функциями и не притесняли граждан в их конвенционных правах своими провоцирующими действиями³⁸.

Подобная позиция английского суда направлена на установление ограничений в бесконтрольном осуществлении правоохранительной деятельности и создание критериев защиты частной жизни граждан. В процессуальном плане, суд находится между государством и гражданином, и его роль заключается в предотвращении общественно опасных последствий провокации. Судья вправе *прекратить уголовное дело* на досудебной стадии уголовного судопроизводства, если, по его мнению, имело место провоцирование совершения преступления. Вместе с тем, в законодательстве имеется иное условие защиты от провокации. В силу ст. 78 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам (*Police and Criminal Evidence Act 1984*)³⁹, суд обладает дискреционными полномочиями на *исключение доказательств*, полученных секретным агентом, если подсудимый не совершил бы преступления без подстрекательства со стороны полиции.

Из анализа названного Решения и Закона 1984 г. следует, что из двух возможных средств защиты от провокации преступления — приостановления уголовного дела и исключения доказательств из процесса — именно первое применяется судом в досудебной стадии уголовного процесса. Этот вывод следует из постулата о том, что обвинение, основанное на провокации к совершению преступления, является злоупотреблением

уголовным процессом. Таким образом, ст. 78 Закона 1984 г. не изменила основное прецедентное правило судопроизводства — провокация преступления не является основанием для защиты. И то условие, что доказательства в данном случае были получены путем подстрекательства к совершению преступления, само по себе не требует их исключения из процесса⁴⁰.

Как видно из изложенного материала, весьма сложно дать всеобъемлющую дефиницию неправомерному поведению полиции при провокации или так называемому «преступлению, созданному государством». Здесь существует множество правомерных исключений. Ведущие решения английских судов базируются на трех составляющих *субъективного критерия* правомерности провокации преступления.

Во-первых, у правоохранительных органов должны иметься разумные основания подозревать участие лица в совершении преступления, его склонность к преступной деятельности.

Во-вторых, секретные агенты или информаторы должны обладать надлежащими полномочиями по осуществлению разведывательных мероприятий в соответствии с Законом о полномочиях следственных органов 2000 г.

В-третьих, секретный агент или информатор не должны перейти «грань» между разведывательной деятельностью и злоупотреблением — они действуют в пассивной форме и лишь предоставляют лицу возможность встать на путь совершения преступления. Ключевым фактором в этом случае выступает выявление предрасположенных к преступлению «клиентов». В отдельных ситуациях правоохранительные органы прибегают к тактике, граничащей с провокацией, — обманным операциям под названием «укусы» (*stings*) и «манна небесная» (*manna from heaven*). При использовании такой тактики полиция создает фиктивные магазины, например, по купле-продаже ювелирных изделий, автомобилей и пр., с «надеждой» пресечь сбыт краденого имущества. В данной ситуации полиция не нарушает границ правомерности провокации⁴¹. Она использует тактику обмана с целью выявления преступной сети сбыта имущества, приобретенного преступным путем.

В законодательстве США, понятию провокации преступления соответствует термин «ловушка» (*entrapment*). В случае превышения критериев правомерности «ловушка» к совершению преступления признается обстоятельством, освобождающим от ответственности на основе фактов, опровергающих обвине-

ld200102/ldjudgmt/jd011025/loose-1.htm (дата обращения: 06.10.2012); Ashworth A. Re-drawing the Boundaries of Entrapment [2002] Criminal Law Review. Vol. 161.

³⁸ Rigma v. Looseley [2001] UKHL 53, Lord Nicholls § 1.

³⁹ Legislation.gov.uk. [Сайт]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/all?title=Police%20and%20Criminal%20Evidence%20Act%201984> (дата обращения: 06.10.2012).

⁴⁰ Rigma v. Looseley [2001] UKHL 53, Lord Nicholls §12.

⁴¹ The Criminal Process / Andrew Ashworth and Mike Redmayne. Third Edition. Oxford University Press, 2005. P. 262-263.

ние (*affirmative defenses*). В доводах стороны защиты, построенных на опровержении обвинения, признается наличие в деянии лица всех элементов состава преступления, однако опираясь на дополнительный аргумент — нарушение критериев правомерности — защита добивается оправдания подсудимого.

Общие принципы признания провокации преступления правомерной регламентируются в Примерном УК США⁴². Согласно ст. 2.13 «Провокация» публичное должностное лицо, осуществляющее исполнение закона, или лицо, действующее в сотрудничестве с таким должностным лицом, совершает провокацию, если с целью получения доказательств совершения посягательства оно побуждает или поощряет другое лицо к поведению, составляющему это посягательство, путем: а) создания заведомо ложного представления о фактах, рассчитанного на формирование предположения о том, что такое поведение не является запрещенным; либо б) применения методов убеждения или побуждения, создающих существенный риск того, что такое посягательство будет совершено иными лицами помимо тех, которые готовы его совершить. Лицо, подвергшееся уголовному преследованию за посягательство, подлежит оправдания, если оно докажет путем представления более веских доказательств, что его поведение явилось результатом провокации. Исключение из этого правила составляют случаи причинения или угрозы причинения телесного повреждения в результате посягательства провоцируемого лица.

В судебной практике к наиболее распространенным случаям вовлечения в «ловушку» относятся взяточничество, незаконный оборот наркотиков и порнографической продукции. Правомерность «ловушки» со стороны правоохранительных органов обосновывается категорией преступления, посягающего на публичную сферу государственных интересов. Например, такое преступление как взятка вряд ли может повлечь уголовное преследование на основании заявления от ее участников или свидетелей. Следовательно, обвинение вынуждено основываться на «поличных» фактах совершения преступления разрабатываемым лицом в результате «ловушки»⁴³. Но даже в последнем случае правоохранительные органы не должны нарушить тонкую границу между ранее сформировавшимся умыслом на совершение преступления и подстрекательством к нему. Агенты полиции не должны побуждать невинов-

ных лиц к совершению того преступления, которое в иной ситуации, не обусловленной активностью правоохранительных органов, это лицо вряд ли бы совершило⁴⁴. Эта позиция находит отражение в американской прецедентной практике. В частности, Верховный Суд США в деле «Джекобсон против США» (*Jacobson v. U.S.*) указал, что для опровержения применения защиты в виде провокации преступления с целью изобличения преступника, сторона обвинения должна, вне всякого сомнения, доказать предрасположенность обвиняемого к совершению преступления, сформировавшуюся прежде, чем им заинтересовались сотрудники правоохранительных органов⁴⁵. Напротив, в рамках доктрины уголовного права у обвиняемого имеется право защищаться ссылкой на провокацию со стороны сотрудников правоохранительных органов⁴⁶.

Как и в Великобритании, в США критерии правомерности вовлечения в «ловушку» регламентируются средствами прецедентного права. Для признания провокации преступления правомерной судами используются в альтернативе два критерия (теста): а) субъективный и б) объективный.

Федеральное законодательство США и законодательство большинства штатов при установлении события вовлечения в «ловушку» используют субъективные критерии. С точки зрения *субъективных признаков* анализируются особенности личности и уровень умственного развития подозреваемого, поскольку склонность совершить преступление может иметь место и до контакта с агентом полиции⁴⁷. Применение субъективного критерия вызывает определенные практические трудности, влияющие на справедливость судебного разбирательства и выявление злоупотреблений в процессе. С одной стороны, затрагивается право подозреваемого лица на неприкосновенность частной жизни, поскольку в уголовном процессе используются в качестве доказательств данные о личности, профессиональной деятельности и его преступном прошлом. Это, в свою очередь, может повлиять на беспристрастность судьи при вынесении приговора. С другой стороны, субъектив-

⁴² Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права: Перевод с английского / под ред. Б.С. Никифорова (Предисл.); Пер.: А.С. Никифоров. М., 1969.

⁴³ Criminal Procedure. The Constitution and the Police / Robert M. Bloom, Mark S. Brodin. 6th Edition. Wolters Kluwer, 2010. P. 338.

⁴⁴ Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / Науч. ред. В.А. Власихин. М., 2006. С. 874, 885-887.

⁴⁵ Данный случай стал фундаментом в вопросе определения правомерности провокации // *Jacobson v. U.S.*, 503 U.S. 540 (1992): United States Reports. Vol. 503. P. 540-561 // Supreme Court of the United States [Сайт]. URL: <http://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/503bv.pdf> (дата обращения: 07.10.2012).

⁴⁶ Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / Науч. ред. В.А. Власихин. М., 2006. С. 886.

⁴⁷ The Subjective Test // Criminal Procedure / Joel Samaha. 7th Edition, 2008. P. 363-367.

ный критерий позволяет раскрыть многие подробности о негласных операциях правоохранительных органов, в крайних случаях, сводящихся к заранее намеченному списку лиц, предрасположенных к преступной деятельности, использованию в отношении них обманов и подстрекательских действий.

В некоторых штатах (например, в Калифорнии, Техасе и Мичигане) применяется система объективных критериев. *Объективный критерий* позволяет установить степень воздействия агентов полиции на преступное поведение, а также выявить момент, когда у законопослушного государственного служащего появилась предрасположенность к совершению преступления⁴⁸. Таким образом, объективный критерий можно назвать своеобразным ответом на практические несовершенства субъективного критерия. При установлении критериев правомерности провокации данные о личности и степени предрасположенности лица к совершению преступления значения не имеют. Судья определяет неправомочность действия агента полиции и устанавливает уровень воздействия негласных методов на законопослушного человека с целью возбуждения у него склонности к совершению преступления. Действия агентов правоохранительных органов не должны преследовать цель получения доказательств путем склонения невиновного лица к совершению преступления.

Рассматривая, в сравнительно-правовом аспекте, критерии правомерности провокации преступлений коррупционной направленности в законодательстве и судебной практике РФ, Великобритании и США, можно обозначить общие грани.

Определение правомерности провокации преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации, Великобритании и США (частично) основывается на *субъективном критерии* — государство в лице правоохранительных органов не должно искушать законопослушного гражданина. С одной стороны, своими действиями оно должно уменьшать преступ-

ность, но не способствовать ее росту — искусственно создавать преступление. С другой стороны, правосудие не должно быть готово «принять» правомерность преступления, которое невозможно совершить в силу отсутствия к тому подстрекательства и предрасположенности. Здесь особенно важен субъективный вопрос о бремени доказывания. В англо-саксонской правовой доктрине лицо наделяется правом защищаться ссылкой на провокацию преступления со стороны правоохранительных органов. В силу презумпции опровержения обвинения законодательство не поддерживает практику разрешения полиции подстрекать невиновного к совершению преступления, которое в нормальной ситуации он (или она) не предрасположено совершать. Однако лицо, которое желает воспользоваться провокацией преступления как защитой, должно предоставить более веские, по сравнению с обвинением, доказательства неправомочного поведения сотрудника правоохранительного органа.

Неконтролируемые провокационные действия оперативных работников (агентов полиции) при выявлении преступлений коррупционной направленности можно отнести к злоупотреблениям должностными полномочиями лиц правоохранительных органов. Противодействие таким преступлениям не должно сводиться к возбуждению совершения преступления, с целью искусственного создания доказательств обвинения. Главная цель противодействия этим преступным посягательствам заключается в выявлении и установлении «реальных» лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, но не в репродуцировании новых преступлений. Бесконтрольное использование метода провокации со стороны сотрудника правоохранительного органа суть преступление. И напротив, передача предмета преступления (взятки либо коммерческого подкупа) под контролем сотрудников правоохранительных органов с целью установления факторов коррупционности и изобличения коррупционеров является правомерным.

Библиографический список:

Нормативно-правовые акты:

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 июля 2012 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 10 июля 2012 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) // Рос. газ. 1995. 18 августа. № 160.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
4. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
5. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

⁴⁸ The Objective Test // Ibid. P. 368 — 397.

7. Необходимое руководство для агентов Чрезвычайных Комиссий. Инструкция по борьбе со спекуляцией. М.: ЛексЭст, 2001.
8. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.
9. Уголовное Уложение 1903 г. // Свод Законов Российской Империи. Том XV. С.-Петербург, 1912.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод Законов Российской Империи. Том XV. СПб, 1912.
11. Устав Воинский от 30 марта 1716 г. // Памятники Русского права в 8 выпусках. Выпуск 8: Законодательные акты Петра I. М., 1961.
12. Указ Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе, оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // Памятники Русского права в 8 выпусках. Выпуск 8: Законодательные акты Петра I. М., 1961.
13. Соборное Уложение 1649 г. Текст и комментарии. Л., 1987.
14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. №167-1 (в ред. от 28.06.2012 г. №24-V ЗРК) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «СоюзПравоИнформ».
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от от 14 марта 2003 г. №122-XV (в ред. от 14.06.2012 г. №134). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «СоюзПравоИнформ».
16. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права: Перевод с английского / Под ред. Б.С. Никифорова (Предисл.); Пер.: А.С. Никифоров. М., 1969.
17. Regulation of Investigatory Powers Act 2000 // Legislation.gov.uk. [Сайт]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23/part/II>.
18. Police and Criminal Evidence Act 1984 // Legislation.gov.uk. [Сайт]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/all?title=Police%20and%20Criminal%20Evidence%20Act%201984>.

Судебная практика:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (в ред. от 22 мая 2012 г.) // Рос. газ. 2000. 23 февраля. № 38; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.
2. Riggins v. Looseley [2001] UKHL 53 // www.parliament.uk [Сайт]. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200102/ldjudgmt/jd011025/loose-1.htm>.
3. Jacobson v. U.S., 503 U.S. 540 (1992): United States Reports. Vol. 503. P. 540 — 561 // Supreme Court of the United States [Сайт]. URL: <http://www.supremecourt.gov/opinions/boundvolumes/503bv.pdf>.

Литература:

1. Анцелович М. Получение, дача и провокация взятки по УК редакции 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16.
2. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск / Науч. ред. В.А. Власихин. М., 2006.
3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008.
4. Волков Г.И. Взяткодательство при провокации взятки // Вестник советской юстиции. 1926. № 10 (68).
5. Зильбернштейн Н. Ответственность за дачу взятки при провокации // Вестник советской юстиции. 1925. № 1 (35).
6. Косунович Л. Провокация // Вестник полиции. 1909. № 32.
7. Уголовное право. Особенная часть / Под общ. ред. И.Т. Голякова. М., 1943.
8. Радачинский С.Н. Уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. М., Ростов-на-Дону, 2003.
9. Столыпин П.А. Речь, произнесенная в Государственной Думе по делу Азефа // Вестник полиции. 1909. № 8.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. СПб, 1902.
11. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань, 1975.
12. Ходос. Подлежит ли ответственности лицо, спровоцированное на взятку? // Вестник советской юстиции. 1924. № 24 (34).

13. Штам С.И. Судебник 1497 г.: Учебное пособие по истории государства и права СССР. М., 1955.
14. Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933.
15. Ashworth A. Re-drawing the Boundaries of Entrapment [2002] Criminal Law Review. Vol. 161.
16. Criminal Procedure / Joel Samaha. 7th Edition, 2008.
17. Criminal Procedure / Steven L. Emanuel. 28th, 2009.
18. Criminal Procedure. The Constitution and the Police / Robert M. Bloom, Mark S. Brodin. 6th Wolters Kluwer, 2010.
19. The Criminal Process / Andrew Ashworth and Mike Redmayne. Third Edition. Oxford University Press, 2005.

References (transliteration):

1. Antselovich M. Poluchenie, dacha i provokatsiya vzyatki po UK redaktsii 1926 g. // Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii. 1927. № 16.
2. Bernam U. Pravovaya sistema SShA. 3-y vypusk / Nauch. red. V.A. Vlasikhin. M., 2006.
3. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. Nastol'naya kniga sud'i: prestupleniya protiv pravosudiya. M., 2008.
4. Volkov G.I. Vzyatkodatel'stvo pri provokatsii vzyatki // Vestnik sovetskoy yustitsii. 1926. № 10 (68).
5. Zil'bernshteyn N. Otvetstvennost' za dachu vzyatki pri provokatsii // Vestnik sovetskoy yustitsii. 1925. № 1 (35).
6. Kosunovich L. Provokatsiya // Vestnik politsii. 1909. № 32.
7. Uголовное право. Osobennaya chast' / Pod obshch. red. I.T. Golyakova. M., 1943.
8. Radachinskiy S.N. Uголовnaya otvetstvennost' za provokatsiyu vzyatki libo kommercheskogo podkupa. M., Rostov-na-Donu, 2003.
9. Stolypin P.A. Rech', proiznesennaya v Gosudarstvennoy Dume po delu Azefa // Vestnik politsii. 1909. № 8.
10. Tagantsev N.S. Russkoe uголовное право. Leksii. Chast' Obshchaya. T. I. Izd. vtoroe, peresmotrennoe i dopolnennoe. SPb, 1902.
11. Khabibullin M.Kh. Otvetstvennost' za zavedomo lozhnyy donos i zavedomo lozhnoe pokazanie po sovetskomu uголовnomu pravu. Kazan', 1975.
12. Khodos. Podlezhit li otvetstvennosti litso, sprovozirovannoe na vzyatku? // Vestnik sovetskoy yustitsii. 1924. № 24 (34).
13. Shtam S.I. Sudebник 1497 g.: Uchebnoe posobie po istorii gosudarstva i prava SSSR. M., 1955.
14. Estrin A. Ya. Razvitie sovetskoy uголовnoy politiki. M., 1933.